Олейников Илья

Смена.- С.-Пб.- 1995 - 14 окт.- с.4

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Можно ли влюбиться в двоих?

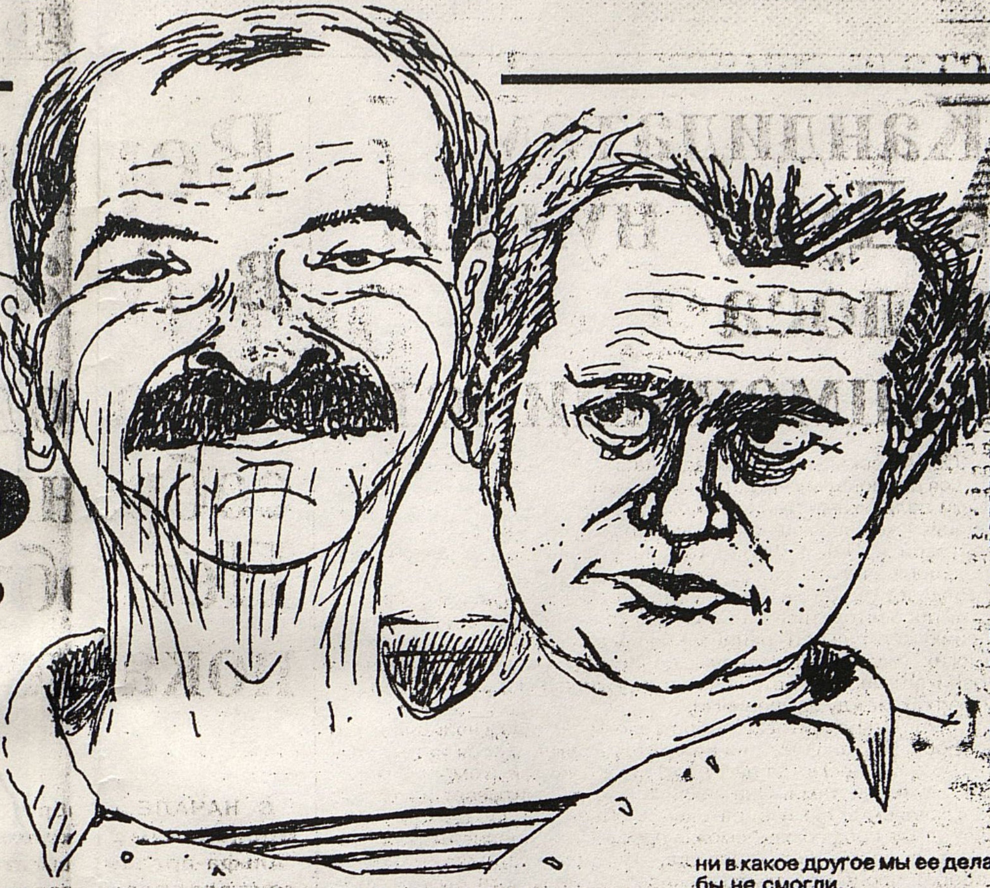
Рисунок Виктора БОГОРАДА

"ГДЕ вы познакомились со Стояновым?" - спросила я у Ильи Олейникова, пока мы дожидались в студии "Позитив" прихода Юрия - он задерживался, монтируя "Наш городок" этажом ниже. "На танцах, - ответил Олейников. - Я его первый пригласил". Стало понятно: интервью началось.

- УДАЕТСЯ, работая вдвоем, не тянуть друг у друга одеяло?

- Насчет одеяла мы давно договорились, что я - безумно талантливый человек, а Юра...

- ...не очень?

- А Юра, в отличие от меня, невероятно талантливый. И если, скажем, безумно талантливый станет тянуть одеяло на себя, то невероятно талантливому это будет несколько обидно. Поэтому мы решили честно порвать одеяло пополам - каждому досталось по лоскуту. И подобный актерский паритет - что очень важно в нашей передаче - мы сохраняем постоянно. То есть нельзя сказать, что Юрка смешной, а я нет. Где-то он более комичный, где-то - я.

- Вы и в жизни рожи корчите?

- Я сейчас корчу рожу?

- Вроде нет.

- Ну и он не корчит. Иначе нас следовало бы засадить в сумасшедший дом. Конечно, в компании близких людей, да еще приняв некое количество спиртного, мы можем себе позволить расслабиться, подурачиться, похохмить. Но просто так - для поддержания образа двух неугомонных забавников - нет и еще раз нет.

- Вам сорок восемь лет. Пора бы, придя домой, надеть тапки и раскрыть томик Азимова, а вы ходите по гостям, у себя принимаете...

- Обожаю - и в гости ходить, и дома народ собирать. Правда, из гостей я всегда ухожу голодным, потому что с детства привык к борщам, котлетам, а в гостях - сплошные деликатесы, сервелаты, салаты - я этого не могу есть вообще. Юрий Николаевич - тот жрет все подряд и из гостей приходит сытый.

Что же касается моего возраста, то на днях один дядька семидесятилетний без всякого прикола сказал: "Я помню тебя с детства".

- Кстати о приколах: вам не кажется, что, снимая людей скрытой камерой, вы поступаете с ними бесцеремонно, выставляя полными кретинами?

- Я считаю, когда человека подставляет государство - например, взяв у него сбережения и ни шиша не вернув взамен - это гораздо более бесцеремонная хохма. А мы - ну что? Попросили подержать ведро с краской - так, милая шутка. И ни в коем случае не жестокая. Они ж потом сами ржут, когда смотрят телевизор и видят, в какое дурацкое положение попали. И потом, сняв кого-нибудь скрытой камерой, мы всегда признаемся и спрашиваем: не возражаете, чтобы это осталось в кадре?

- Были случаи возражений?

- Редко. С тем же ведром. Один пообещал: покажете - я вас... Ну в общем, то самое. Мы и решили - раз человек не хочет, тем более грозится ужасным словом, причем по голове - да ну его, еще по судам затаскает.

- Себя могли бы подставить?

- Не знаю.

- Знаком вам такой творческий зуд: все на продажу, ради красного словца не пожалею и отца?

- Нет, все-таки себя мы бы никогда не подставили. Это невозможно. Допустим, примитивный ход, но получилось бы смешно: взять рекламу "памперсов" - и оставить весь текст, который есть в оригинале, только детскую задницу заменить Юркиной или моей в сопровождении всевозможных "описяюсь, окакиюсь, ах, какие "памперсы" - но тут вышла бы подстава в первую очередь себя. А мы, разыгрывая ситуацию, стараемся оказаться не только внутри истории, но и над ней.

Для того же придуманы дурацкие обвязки между сюжетами - когда мы сидим нормально одетые и несем чушь. Нам важно отрезать себя от персонажей "Городка": там они - это они, а мы - это мы. Тоже, конечно, с придурью, но вполне элегантные, сегодняшние люди.

Конечно, мы балансируем на грани фола - но юмористическая передача и должна гулять по этой грани. Возможно, нам случается переваливать по ту сторону фола - надеюсь, достаточно редко. Это жутко опасная штука. Делая номер для эстрады, ты на сцене можешь проверить, что в нем хорошо, а что плохо - элементарно, по смеху или равнодушию зрителя. Сейчас, при тебе, сегодня. А получилась или не получилась передача - ясно, лишь когда она прошла по эфиру. И поэтому после "Городка" я всегда трепетно жду - кто позвонит, что скажет.

- Звонят?

- Часто и много. Я очень считаюсь с людьми, которым передача дико нравится. А тех, кому не понравилось, сразу вычеркиваю из друзей и говорю: раз у вас такой козлиный вкус, нам незачем общаться.

- Нет риска, что, работая в таком маленьком коллективе, вы с Юрием возненавидите друг друга?

- Так я не могу сказать, что и сейчас нас связывает острое чувство любви. "Городок" возникает только из конфликтов. Не будь их, мы бы возненавидели саму передачу. Начиная с написания ее сценария находимся в жутком антагонизме. Ему что-то нравится, мне нет - естественно, мы это дело тут же отбрасываем. И так до тех пор, пока не сойдемся на варианте, который устраивает обоих. Бывает, Юрка принимается меня убеждать - и убеждает. Или наоборот. Но сам момент убеждения - страшен.

- Может дойти до сильных выражений дядьки с ведром?

- Что значит - дойти? С этого начинается - с матерных слов!

- Как долго делаете передачу?

- Три недели - от придумки до конца монтажа. И неделя остается свободной. Тогда дней на пять-семь выезжаем на гастроли. В принципе, именно там мы зарабатываем деньги, а не передачей.

- Когда же отдыхаете?

- А зачем?

- Традиционный вопрос: банкиров забавляли на пароходах и презентациях?

- Нет. Пока не забавляли. Но они нас забавляли очень - на тех же пароходах. Весело наблюдать, как кутят наши новые русские.

- Как вы к ним относитесь?

- Нормально отношусь. Хорошо, когда люди умеют зарабатывать деньги. Другое дело - совсем не обязательно их так по-дегенератски тратить. Но думаю, это болезнь роста. Потому что любой уважающий себя бизнесмен не выкинет две тысячи долларов на обед в ресторане. Не купит бутылку вина тысяча восемьсот какого-то года за полторы тысячи - тоже долларов.

- Это был тонкий гурман?

- Отнюдь. Я ему сказал: идиот ты полный. Лучше бы мне отдал эти деньги.

- Когда последний раз были в ресторане?

- Сегодня. Отмечали в "Метрополе" двадцать один год моей свадьбы - как-никак очко. Пришли в "Метрополь", потому что я по старой памяти знаю - там отличная кухня, не то что в новых кабаках, где бешеные цены и нечего есть. Нас так хорошо встретили официанты, метрдотель - потащили в отдельный зал, замечательно обслуживали - это все было очень приятно. А потом к Юрке - я в это время вышел - подошла официантка и робко-робко спросила: "Можно у вас автограф взять?" Он удивился: "А почему так испуганно?" Она говорит: вот тут недавно был один - когда мы его об этом попросили, он на нас рявкнул. "Знаете, - сказала официантка, - чем быстрее человек теряет популярность, тем большим он становится говном".

- Так и сказала?

- Да, прямо так цинично и заявила. Юрке это настолько понравилось, что он сразу написал ей нежное послание, как бы давая понять: я-то совсем не говно...

НА ЭТОЙ фразе появился Стоянов, прогнал друга, который так тепло о нем отзывался: "Я тебе не мешал, теперь ты мне не мешай". И придал разговору новое настроение:

- КОГДА мы трендим на пару, сразу начинаем хохмить.

- Так это хорошо.

- Что хорошего? Надоело, мы же не эстрадные звезды, чтобы устраивать из собственной жизни продолжение сценического имиджа.

- Тогда расскажите про жизнь. И пребывание в успехе.

- Пребывая в успехе, я помню, как было когда-то - при сплошном неуспехе.

- Но вы же играли Амадеса в БДТ.

- Бог с ним. Сыграл и сыграл - на пятый или шестой год после премьеры. Хотя роль из тех, о которых говорят: на суфлерской будке лежит. Выучил текст - и вперед. У меня были очень удачные спектакли.

Товстоногов спросил после одного из них: как вы сами относитесь к тому, что сыграли? Я говорю: "Знаете, Георгий Александрович, мне очень нравится". - "Вот настоящий моцартовский ответ". Потому что он знал, что не в моем характере говорить о себе такое. В театре я был более чем скромным человеком. Так, достойно себя вел, нормально. Любил людей, с которыми работал, меня любили. Но потому и ушел из БДТ, что стала расти пропасть между тем, каким я был на телевидении и каким - в театре.

Театр - огромный кусок моей жизни. В конечном счете там я попрощался со своей безответственной юностью - но все равно моей, какой бы она ни была.

- С каким ощущением вы просыпаетесь утром?

- Замечательным. Как я просыпался раньше? С полным отсутствием перспектив, понимая, что и сегодня ничего не произойдет. А сейчас это "ничего" превратилось в совершенно другое ощущение: снова ничего не успею сделать! Попав в рабочие обстоятельства, я стал работоголиком, наркоманом. Илью уже бесить начинает: чего ты здесь торчишь сутками? Давай путевку купим, давай в лес. Нет, нет. У меня постоянная тревога, видимо, рожденная годами прошлой жизни, что в наше отсутствие случится что-нибудь страшное, уйдет какой-то поезд, мы разучимся делать все, что умеем.

У нас невероятно высокие ставки - вот что опасно. Каждый "Городок" снимаем - будто важнейший фильм в жизни, а не цикловую ежемесячную передачу. При таких затратах что-то может не выдержать, даже организм: башку заклинит, силы иссякнут. Какие-то краски уйдут актерские. Я, например, передачи три не буду играть женщин - они у меня начинают повторяться. Другой бы плюнул - играй, раз нравится людям. А я не могу, надо передохнуть. Съезжу на гастроли, наберусь колоритных женских образочков.

- Расскажите про гастроли.

- Ну, не все гастрольное подлежит пересказу. Вот был смешной случай, когда нас пригласили в казахскую семью. Хозяин, угощая бешбармаком, объясняет: "Пирешь это, значит, говядины кусочек - сегодня говядина, а вообще баранина положена, - и так это тесто обмакну-ули, макаронин пальшой правой рукой пирешь и макаешь - прямо руками, обязательно руками кушаешь". А наш музыкант - парень парадоксального мышления - слушал все это, слушал и вдруг говорит: "А мне рассказывали, что в интеллигентных казахских семьях бешбармак принято есть левой рукой". Я ушел под стол, а с бедным казахом шок случился, он задумался: может, действительно в интеллигентных семьях едят левой рукой?

У нас всегда что-нибудь веселое приключается - связанное с приглашением в баньку, в гости. Или с полетом на вертолете всемером вместо троих, как положено. Потом проклинаешь все на свете: мог ведь раздолбаться этот вертолет, который, еле поднявшись над верхушками деревьев, летел час треща.

- Когда в передаче вы прикалываетесь над людьми, то не испытываете к ним жалости?

- Не только жалость - ощущаю себя космическим подонком! С другой стороны - мы не подбрасываем "сникерсов", не приклеиваем стодолларовую купюру к колесу автомобиля. Потому что все-таки понимаем, в какой стране живем - над чем можно смеяться, а над чем - грешно. Не надо кусок хлеба топтать. Не надо прикалываться над бедностью и, как результатом этой бедности, - над скупостью и жадностью. Пусть люди будут придурковатыми, нелепыми - какими угодно, но только не жлобами, не подонками, не жалкими. С моей точки зрения, у нас нет ни одной злой скрытой камеры - она добрая и милая. И очень русская - в смысле той страны, где снимается. Изумительных людей, попадающих в кадр.

Как-то мы попросили одного старичка посторожить сумасшедшего: "Постойте с ним, он немножко не в себе, сейчас приедет "скорая" и его заберут". Подставной говорит: "Сальери всех отравил. Это вы - Сальери!" А старичок в ответ: "Нет, я не Сальери. Я случайный гость ваш. Я пришел побеседовать с вами, Вольфганг", - и начал общаться с ним, как с Моцартом. Господи, это ж до слез пронимает - милый петербургский старик, который спасал человека.

- Сознание популярности, достаток не рождают снисходительного сострадания к людям?

- Никакого снисходительного сострадания - только чувство боли и злости. Когда я вижу вдоль всей Волги стоящие заводы, встречаю людей, месяцами не получающих зарплату, - от этой беспросветной бедности у меня в голове одна мысль: не пойдет народ, который вы обозвали электоратом, за вас голосовать.

И в то же время безумно нравится, что ни в один город сегодня не надо тащить заварку, бутерброды, кипятильник. Нравится, что, забыв брюки или туфли, смогу их купить везде, причем концертные. У людей, живущих прилично - а таких тоже немало, - абсолютно ушло ощущение провинциальности - и в провинции уже можно жить достойно. Исчез этот бзик - поездка в Москву за мясом. В Москву теперь отправляются, чтобы решить деловую проблему, дать взятку, сходить в театр.

И меня раздирает: с одной стороны - эти люди, живущие ужасающе, с другой - выравнивание невероятно неровной страны. И третье - мы снимаем передачу именно в это время - ни в какое другое мы ее делать бы не смогли.

- И поэтому она лишена политических мотивов?

- Я бы не сказал. А пародия на Жириновского - это что такое? Да, мне неинтересно "сегодня в газете - вечером в куплете". Занятно лишь то, что вышло на эпический уровень, стало объектом мифологии. Когда человек достигает таких высот, что за голову хватаешься: "Фантастика! Это надо сыграть!" Чубайса мне играть не хочется, а Ельцина - очень, Горбачева играл с наслаждением. Личность - вот главное, а уж положительный она несет заряд, отрицательный - вопрос второй.

- Военные на вас не обижаются, когда вы снимаете армейские сюжеты?

- В армии работают умные люди.

- Все-таки есть?

- Не все-таки, а есть! Это ваш брат всех поделил на социальные слои - военные, рабочие, бизнесмены. Прежде всего существуют люди. Военный, придя домой, снимает форму и смотрит анекдот про идиота-полковника. Полковник смотрит анекдот про идиота-генерала, а генерал - про идиота-рядового. И каждый может кивать на другого. Поэтому в армии нашей передачей довольны.

- А какие у вас отношения с бандитами? С милиционерами?

- Никаких. Но поскольку бандиты - довольно значительная прослойка нынешнего населения, они в этом ничуть не отличаются от остальных. И когда протягивают стодолларовую купюру: напиши здесь - "Братану Васе от Юрика", - я догадываюсь, что это не рабочий с Кировского подошел, не машинист метрополитена.

- А бывает, гаишники пристраиваются, включив мигалку: "Хотите, мы вас подвезем?" - "Да, ребята, здорово опаздываем". И чешут впереди. "Кого повезли - Собчака?" Да нет, это Стоянов с Олейниковым.

Беседовала Елена ЕВГРАФОВА

NB. После беседы автора мучил один-единственный вопрос. Который он и вынес в заголовок.